

Т.В. Смирнова

Семья Розанова в Сергиевом Посаде

В 1917–1918 гг. в Сергиев Посад приехали из столиц и из провинции несколько интеллигентных семейств. Выбор этого города был, в первую очередь, обусловлен близостью Троице-Сергиевой лавры, а также родственными и дружескими связями. Среди приезжих можно назвать графов Олсуфьевых, Мансуровых, Хвостовых, князей Урусовых, Шиков, Фаворских, Розановых и др. Всем им, особенно в первое время, пришлось нелегко.

*Василий Васильевич и Варвара Дмитриевна Розановы с детьми. Фото, подаренное
Александре Андриановне и Ивану Дмитриевичу Рудневым. 1903 г.*

Каково же было положение семьи Розанова? Он поселился в Посаде летом 1917 г. и перевез из Петрограда все вещи, даже мебель. Это в дальнейшем сильно помогло. Его дочь Т.В. Розанова писала: «Жили продажей вещей, мебели, книг. <...> Мы сменяли большой буфет орехового

дерева на шесть пудов ржи, а дубовый стол – на картошку. Посуду всю меняли на яблоки, то на молоко. Кое-какую одежду, более нарядную, тоже меняли на продукты в деревню. Был такой старичок, который этим занимался, он хорошо к нам относился и с риском для себя привозил нам продукты, ведь везде стояли заградительные отряды и менять тоже не очень-то давали»¹. Квартиру Розановым заранее подыскали о. Павел Флоренский и А.А. Александров – хороший новый двухэтажный дом А. Беяева на Красюковке.

Сравним положение Розановых с положением одной из приехавших в это время в Посад семей – семьи Натальи Владимировны Урусовой, урожденной Истоминой. Она приехала из Ярославля летом 1918 г., потеряв все имущество, все вещи во время белогвардейского мятежа. С величайшими трудностями перебралась в Посад. Вскоре два старших сына уехали: один сражался на стороне белых, другой каким-то образом оказался за границей. Урусова осталась в Посаде с пятерыми детьми от шестнадцати до трех лет без всяких средств к существованию и без жилья. Недели две они жили на крытом балконе какой-то брошенной дачи, где было грязно и сыро, ни у кого не было ничего теплого – все сгорело. Так жили, «пока не взял нас на время к себе один добрый человек – поэт Александров, знавший и уважавший моего покойного отца», вспоминала Урусова². Здесь надо сказать, что Розанов был знаком с А.А. Александровым. В одном из писем дочери Татьяне, жившей летом 1913 г. на даче под Сергиевым Посадом, Розанов писал так: «С Александровыми будьте похолоднее и держитесь подальше. Они очень навязчивы, везде и ко всем лезут, но это страшно фальшивые люди. И маме, и папе вашим они в старые годы причинили много горя, – не уплачивая денег за статьи»³. Трудно сказать, насколько обоснованы были претензии Розанова к издателю и редактору журнала «Русское обозрение». Но когда после переезда Розановых в Сергиев Посад возникла необходимость привезти библиотеку и рукописи Розанова, оставленные в Петрограде, то именно Александровы дали займы для этой цели 200 рублей. И жена Александрова

Евдокия Тарасовна научила Татьяну Васильевну Розанову, как организовать перевозку⁴.

Кто-то видит вину дочерей Розанова в том, что они из гордости не хотели никого просить о помощи, чтобы спасти отца. Примечательно другое: дочери Розанова, взрослые девушки, и не помышляли о том, чтобы найти какой-то заработок. Только благодаря П.А. Флоренскому, Ю.А. Олсуфьеву и С.П. Мансурову Татьяна Васильевна Розанова получила работу машинистки в Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры. Это, конечно, было сделано с единственной целью – помочь Розанову. Ведь эта особа не умела печатать на машинке и вообще, по ее собственному

признанию,

была бестолковым человеком⁵.

Сказывалось воспитание в семье. Дочери были не готовы к жизни, не привыкли серьезно относиться к какому бы то ни было труду, не признавали, что у каждого человека, кроме желаний, существуют обязанности. По-видимому, Розанов считал, что они должны, когда вырастут, просто выйти замуж. По воспоминаниям Надежды Васильевны

“Болваны! И чему только учат вас в ваших знаменитых гимназиях!” И далее:

«Дома папа

В.В. Розанов с дочерью Татьяной

при каждом случае обрушивается на профессоров: “Эти пошлые бездарные профессора”, “эти дураки-ученые”. И вообще, кажется, все ученые и профессора у папы ”тупые и безмозглые дураки”». Надо ли удивляться, что пребывание девочки в гимназии «сводилось к одной цели: не слушать того, что говорит учитель (исключение – история и литература), добиться, чтобы голос учителя превратился <... > в какой-то неясный гул и не мешал бы <...

> свободно предаваться размышлениям, вернее, мечтательности»⁶. Дочери Розанова не умели и не хотели заниматься бытом. Надежда Васильевна Розанова писала о своей сестре: «Монастырь, куда поступила Вера, был строгого устава. <...> Если принять во внимание, что, живя в семье, Вера никогда не мыла даже чайной посуды, то можно представить, как трудно ей пришлось, и какой неопытной должна она была себя чувствовать среди простых деревенских девушек, привыкших всю жизнь проводить в физическом труде. Мама говорила со вздохом: ”Как-то она справляется там! Ведь она не знает, куда угли в самовар-то кладут, пар от дыма не отличит”»⁷. Известно, что жизнь Веры Васильевны Розановой кончилась трагически.

Флоренский, видя, насколько оторваны дети Розанова от жизни, пытался помочь Т.В. Розановой. Она вспоминала: «Он чувствовал, что я слишком отвлеченная, что меня необходимо поставить на землю, старался привить мне какие-то практические навыки, обращал мое внимание на бытовую сторону жизни, которую я в то время (1915–1916 гг. – Т.С.) совершенно презирала и не выражала совершенно никакого к ней интереса. Тут он высказывал вообще свой взгляд на жизнь, говорил, что нельзя сосредотачиваться только на одной духовной стороне жизни, считал это даже грехом»⁸. Но, по-видимому, было уже поздно. Очень характерно, например, и то, что обмен вещей на продукты делал для Розановых, как сказано выше, “один старичок”, и делал это с большим риском, а не они сами.

Но вернемся к семье Урусовых. Жить было нечем. И княгиня стала шить теплую обувь, вроде ботишков, из большого ковра, подаренного ей приятельницей из Москвы. Эту обувь Урусова сама возила в деревни продавать или менять на продукты. Ездил на товарных поездах – других не было, и ходили поезда без расписания. Один раз ей надо было зимой пройти верст восемь. Поднялась метель. Через какое-то время она упала в снег и стала замерзать. Сил встать уже не было. «И вот свершилось необыкновенное и чудесное, – вспоминала она. – Над самой, как мне показалось, головой моей удар церковного колокола. Это было избавлением не только мне, но и

детям моим, которые оставались бы совершенно беспомощными и осиротелыми. Как бывает в такие минуты, ко мне вернулись силы, чтоб встать». Рядом оказалась церковная сторожка, ставшая спасением⁹.

А вот что писала Урусова о своей дочери: «Старшая дочь моя, которой было 17 лет, была во всем мне помощницей и утешительницей. Будучи всегда здоровой и крепкого сложения, она простудилась в очень морозный день, когда в одной вязаной кофточке пошла на колодец за водой. Пальто не было никакого: все сгорело в Ярославле, и купить не на что было. Она слегла в тяжелом воспалении легких и никогда уже не могла поправиться за те 10 лет, что прожила после этого на свете, получив туберкулез»¹⁰. Надо ли напоминать, что Розанов вынужден был помогать своим дочерям качать воду в колодце, видя, как они будто бы “надрываются”?

Теперь стоит сказать о том, какую помощь получали две эти семьи. Розановым помогали граф и графиня Олсуфьевы и о. Павел Флоренский. И даже какой-то неизвестный им железнодорожник Новиков прислал целый воз березовых дров¹¹. Один старых друзей Розанова привозил ему деньги от Гершензона, присылали деньги протоиерей Устьянский, Мережковские, Максим Горький¹². Судя по прощальным письмам Розанова, список лиц, помогавших ему, может быть значительно расширен. Материальное положение семьи Розанова вряд ли можно назвать уж очень тяжелым. Сам он во время последней болезни мог пользоваться услугами частного врача и массажистки, не отказывался от папирос и пр¹³. Конечно, как и каждый человек, он испытывал страх смерти и страдал, но, не приложив стараний, чтобы помочь своей семье, с легкостью переложил заботы о ней на других: на Флоренского, Мокринского, Фуделя, Олсуфьева, Дурылина, Пешкова¹⁴. И даже о похоронах Розанова пришлось хлопотать С.В. Олсуфьевой¹⁵. В дальнейшем она еще много сделала для этой семьи, как и о. Павел Флоренский, а когда тяжело заболела вдова Розанова Варвара Дмитриевна, – С.П. Мансуров. Характерно, что она, находясь в больнице, просила позвать Мансурова, и он часто к ней приходил. Ее, видимо, не беспокоило то, какое

расстояние должен был пройти пешком этот слабый физически, больной туберкулезом человек, по непролазной грязи, в больницу, находившуюся на краю города. Мансуров помогал и в похоронах В.Д. Розановой¹⁶.

Вернемся опять к княгине Урусовой. Жили они в подвальном этаже, сыром и полутемном. «В поте лица, – вспоминает она, – добывала я с помощью старшей дочери Ирочки только самое необходимое, скудное пропитание. Иногда не было ничего, кроме овса; его парили в печке, пропускали через котлетную машинку, разводили водой и делали кисель, которым питались, иногда без хлеба, по несколько дней. Познакомилась я в Посаде, с семьей графа Ю.А. Олсуфьева, принявшей в нас сердечное участие, но они были совсем разорены, и, хоть очень хотели бы, но мало чем могли помочь»¹⁷. Да, семья Урусовых не получала большой помощи от окружающих. Но заметьте, как деликатно она пишет: ни малейшего упрека Олсуфьеву, который, очевидно, помог незначительно. И она воспринимает не как должное, а как Божье чудо всякую малую помощь. Именно так она отнеслась к тому случаю, когда какой-то монах дал ей два гребешка, столь необходимые, потому что дочери ее обовшивели.

Ю.П. Иваск заметил, что Розанов «был счастлив, когда мечтал и писал»¹⁸. А в трудностях жизни он винил Бога, Церковь, народ, русскую литературу. Он хотел быть счастливым до конца: не заботясь о близких, не стремясь найти свое место в новых жизненных условиях, наконец, не пытаясь кому-то помочь. Нет, он на йоту не хотел отойти от привычного образа жизни: курить и лакомиться вареньем, писать и печататься. Желание писать и печататься превратилось в сверхценную идею. Он воспринял как должное то, что книгоиздатель Елов на свои деньги издал «Апокалипсис нашего времени», который остался непроданным. И даже в прощальных письмах не подумал поблагодарить этого человека.

Нельзя не согласиться с тем, что писал о Розанове о. Павел Флоренский: «...он не приемлет ни страданий, ни греха, ни лишений, ни смерти, <...> если бы его приютил какой-либо монастырь, давал бы ему

вволю махорки, сливок, сахару и пр., и пр., и, главное, щедро топил бы печи, то, я уверяю, В/асилий/ В/асильевич/ с детской наивностью стал бы восхвалять не этот монастырь, а <...> все монастыри вообще, их доброту, их человечность, христианский аскетизм и т.д. И воистину он воспел бы христианству гимн, какого не слыхивали по проникновенности лирики. <...> Вот приехал В/асилий/ В/асильевич/ в Сергиев Посад. Его монастырь даже не заметил, – конечно! – в Посаде выпали на долю В/асилия/ В/асильевича/ все те же бедствия, которые в гораздо большей степени в это же время выпали бы в СПб., в Москве и всюду. Наголодавшись и наголодавшись, не умея распорядиться ни деньгами, ни провизией, ни временем, этот зверек-хорек, что ли, или куничка, или ласка, душащая кур, но мнящая себя львом или тигром, все свои бедствия отнес к вине Лавры, Церкви, христианства и т.д., включительно до И/исуса/ Х/риста/»¹⁹.

В эпохи перемен можно наблюдать три типа поведения людей: одни стремятся изменить обстоятельства своей жизни, другие воспринимают произошедшее как данность, и стараются найти свое место в новых условиях, сохранить свою жизнь и жизнь близких, а третьи, не смиряясь с произошедшим, не предпринимают ни того, ни другого, а жалуются и возмущаются. Среди приехавших в Посад после революции были люди всех трех типов поведения. Люди первого типа, в основном молодые мужчины, уходили в Белую армию или уезжали за границу. Большая часть приезжих не имела такой возможности или желания. Они занялись самыми различными видами труда: преподавали, работали в Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры, просто старались выжить, например, заведя корову, или выпекая лепешки для продажи на рынке. Все эти люди в прошлом имели прислугу. Тем не менее, оказалось, что они могут научиться жить, самостоятельно себя обслуживая и, видимо, не считая это чем-то сверх меры тяжелым. Они не обвиняли в перемене своей судьбы Бога. Это были настоящие аристократы духа²⁰.

А к третьему типу поведения в экстремальных условиях из всех известных мне семей можно отнести только семью Розановых. Скорее всего, на характер В.В. Розанова повлияло его тяжелое, голодное детство, очень отличное от детства аристократов, испытывавших не меньшие трудности в послереволюционные годы. Бедность и отсутствия признания в то время, когда Розанов был учителем, несчастная семейная жизнь также, видимо, наложили свой отпечаток на личность этого человека. Потеря благ, которые он приобрел, работая в «Новом времени», и которые он весьма ценил, стала для него трагедией. Перемены всего строя жизни как бы возвращали Розанова в те, уже далекие времена, которые, как он считал, остались позади. И он не мог с этим смириться. Не мог и отказаться от того единственного способа заработка, который когда-то позволил ему вырваться из тисков нищеты и безвестности. Уверенность в стабильности своего положения (до революции), положения своей семьи, привела к тому, что дети его не были приучены трудиться, в результате чего им и пришлось столкнуться с большими проблемами в дальнейшей жизни.

¹ Розанова Т. Будьте светлы духом. М., 1999. С. 88.

² Урусова Н.В. Материнский плач катакомбной Святой Руси // Русский Паломник (журнал Валаамского общества Америки). 2003, № 27. С. 58.

³ Розанова Н.В. Из моих воспоминаний // Литературоведческий журнал. № 13/14. Ч. 2. С.107.

⁴ Розанова Т. Указ. соч. С. 80–81.

⁵ Там же. С. 82.

⁶ Розанова Н.В. Из моих воспоминаний. С. 121, 177.

⁷ Там же. С. 166–167.

⁸ Розанова Т. Указ. соч. С. 71.

⁹ Урусова Н.В. Указ. соч. С. 60.

¹⁰ Там же.

¹¹ Розанова Т. Указ. соч. С.88.

¹² Там же. С. 91–92.

¹³ Там же. С. 92, 102.

¹⁴ Там же. С. 94.

¹⁵ Там же. С. 101.

¹⁶ Там же. С. 115, 127–128.

¹⁷ Урусова Н.В. Указ соч. С. 61.

¹⁸ *Иваск. Ю.* Письма А.Н. Богословскому // Литературоведческий журнал. № 13/14. Ч. 2. С. 194.

¹⁹ *Флоренский П.А.* О В.В. Розанове (Письмо М.И. Лутохину) <5–6 сентября 1918 г. Сергиев Посад> // В.В. Розанов: pro et contra. Антология. СПб., 1995. Кн. 2. С. 316–317.

²⁰ *Смирнова Т.В.* Сергиев Посад. 1920-е годы. Судьбы «бывших» // Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры. Труды ГИМ. М., 2003. Вып. 136. С. 422–444.

Доклад опубликован: Наследие В.В. Розанова и современность. Материалы Международной научной конференции. Москва. 29–31 мая 2006 г. М., РОССПЭН, 2009. С. 618–622.

Примечание: Воспоминания княгини Н.В. Урусовой были изданы позже в России под названием «Материнский плач Святой Руси» (М., 2006).